

Наталья
АЛЕКСАНДРОВА

Колье
примадонны

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А46

Редактор серии *Л. Латышова*

Дизайн обложки *С. Курбатова*

Александрова, Наталья Николаевна.

А46 Колье примадонны : [роман] / Наталья Александрова. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-243009-1

Милка считает себя «профессиональной неудачницей». После трагической гибели матери и отчима она оказывается на улице. В странной съемной квартире Людмила обнаруживает за обоями потайную дверь в «тещину комнату». Там, в пыли и темноте, стоит пугающий манекен в дешевом платье, на шею которого сияет великолепное ожерелье с крупными голубыми камнями.

Случайная находка втягивает героиню в опасную игру, потому что кольцо — не просто бижутерия, а легендарное сокровище примадонны Алины Жирардо, блиставшей на сцене более ста лет назад и бесследно исчезнувшей. За этим украшением охотятся не только коллекционеры и ювелиры, но и те, кто готов пойти на убийство ради обладания «проклятым» сапфировым ожерельем. Сможет ли «невезучая» Люда обмануть судьбу, найти настоящие сокровища и наконец обрести свой дом?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Александрова Н.Н., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-243009-1

проснулась от тревожного, назойливого, жалобного звука, резко села в кровати.

В комнате было удивительно светло, хотя на улице стояла глубокая ночь.

Занавески на окне были раздернуты, и в него заглядывала полная луна. Комнату заливал ее яркий, таинственный, волшебный свет.

Огромный желтоватый диск заглядывал в окно, как морщинистое лицо злого, властного старика. Его пристальный, немигающий взгляд мучил меня.

Я встала, прошлепала босиком к окну, чтобы задернуть занавески.

И тут снова раздался тот самый звук, который разбудил меня.

Жалобный, молящий, зовущий.

Плач ребенка?

Да, где-то плакал ребенок.

Какой ребенок? Откуда здесь ребенок?

Здесь не может быть никаких детей.

Я тряхнула головой, чтобы сбросить остаток сна, пошла обратно к кровати.

И снова услышала этот жалкий, жалобный плач.

Я прислушалась и направилась туда, откуда доносился этот назойливый, невыносимый звук.

И остановилась перед стеной. Стена была оклеена обоями с жуткими лилиями. В обманчивом лунном свете эти лилии казались то ли пурпурными, то ли лиловыми. На стене на уровне моих глаз висела фотография в тонкой металлической рамке. На фотографии была красивая женщина в вечернем платье.

Именно оттуда, из этой стены, снова донесся безутешный плач.

Я сорвала фотографию со стены, бросила ее на пол.

Под фотографией обои были порваны.

Ну ясно — фотографию для того и повесили, чтобы закрыть эту дырку.

Вдруг обои вокруг дыры зашевелились, снова раздался жуткий жалобный плач.

Дыра расширилась, и из нее показались два круглых зеленых глаза.

Два зеленых кошачьих глаза.

Значит, это был не детский плач, а кошачье мяуканье.

Я охнула и попятилась.

Из дыры в стене снова донесся тот же жуткий и жалобный звук.

Нет, все-таки это не мяуканье, а плач... женский плач.

Вглядевшись в дыру, я увидела, что то, что я приняла за кошачью морду, на глазах превратилось

в лицо. В женское лицо с загадочными зелеными глазами и карминными губами, сложенными в робкую и умоляющую улыбку.

Я вскрикнула...

И на этот раз действительно проснулась.

Как и во сне, комната была залита лунным светом. Он казался густым и обволакивающим, как озерная вода. Но, в отличие от сна, в комнате было тихо. Тихо, как и должно быть глубокой ночью.

В первый момент я не могла понять, где нахожусь, что это за комната, как я сюда попала.

Но потом вспомнила — и подумала, что лучше об этом забыть.

Лучше заснуть, раствориться в беспомыслии.

Но разве можно заснуть при этом назойливом, безжалостном, пристальном свете?

Как и во сне, я спустила ноги с кровати — но на этот раз нашарила ногами тапки, встала.

Хотела подойти к окну, чтобы задернуть занавески...

Но невольно вспомнила свой сон и обернулась.

Как и во сне, на стене напротив кровати висела фотография.

Правда, сейчас оттуда, где я стояла, трудно было разглядеть эту фотографию — лунный свет только казался ярким, на самом деле он до неузнаваемости искажал все предметы.

Почему-то мне не пришло в голову включить свет — или это показалось мне недопустимой вольностью, преступлением против волшебной власти лунной ночи.

Вместо этого, как и во сне, я подошла к стене и протянула руку к фотографии, чтобы поднести ее к глазам и рассмотреть.

Но едва я дотронулась до нее, злополучная фотография сорвалась с гвоздя и упала.

Под ней, как и во сне, обои были порваны.

На этот раз я не удержалась, потянула за бумажный лоскут.

Он легко оторвался, и под ним... под ним я увидела дверь.

Я прикоснулась к этой двери, провела по ней рукой и почти сразу нащупала задвижку.

Эта дверь... ее очень давно не открывали.

И снова я не удержалась, отодвинула задвижку и слегка надавила на дверь.

Дверь открылась, словно она только и ждала моего прикосновения.

В открывшийся проем тут же хлынул лунный свет.

И в этом свете я... я увидела женское лицо.

Я едва сдержала крик, попяtilась...

Только этого мне не хватало!

У меня мелькнула спасительная мысль, что я все еще сплю, что все это мне снится и я вот-вот проснусь дома.

Но тут же я вспомнила, что никакого дома у меня нет. Никакого дома, кроме этой странной квартиры.

Как я оказалась здесь?

Я отошла в сторону от двери, села на продавленный диван, который в ответ на мой легкий вес так скрипнул, как будто на него опустился бегемот, и задумалась.

Хотя совершенно не хотела этого делать, потому что знала заранее, что мысли мои будут весьма печальны.

Был такой старый французский фильм, мама часто его вспоминала. Назывался он «Невезучие».

Вот там показывали двоих таких людей, которые все время попадают в разные смешные и нелепые ситуации. То есть это зрителям смешно, а героям — не очень.

Герою падал на голову цветочный горшок, или стеклянная дверь вдруг переставала открываться автоматически и он расшибал об нее голову, или же резиновая лодка давала течь именно в тот момент, когда героиня собиралась переплыть в ней реку.

В общем, вспоминала мама этот фильм исключительно потому, что я такая же невезучая, как его герои. Не подумайте плохого: с детства все у меня было на месте. Имелись две руки, две ноги, голова, которая даже что-то соображала, в лице и фигуре никаких особенных недостатков не наблюдалось.

Просто мне катастрофически не везло.

Еще в младенчестве, рассказывала мама, от коляски отвалилось колесо, как раз когда мы переходили дорогу.

Если зимой сосулька падала с крыши, то обязательно в тот момент, когда мы с мамой стояли на крыльце детского садика.

Позже, если отваливался у меня каблук от нового сапога, то обязательно в тот момент, когда я стояла на подножке троллейбуса. То есть троллейбус ехал дальше, а каблук оставался на дороге.

Только меня Митька Шанежкин зацепил рыболовным крючком, когда мы всем классом ходили в поход. Митька хотел поймать рыбу, а поймал меня за ухо. Больно было очень.

И, наконец, только меня угораздило влететь в огромное зеркало, когда мы с тем же Митькой отплясывали на выпускном вечере танго. И ведь перед тем долго тренировались в зале, но организаторы зачем-то передвинули зеркало.

Про прищемленные пальцы, растянутые конечности и испорченные волосы, потому что парикмахерша забыла вовремя смыть краску, я уж не говорю.

— Ну что делать, такая уж уродилась... — говорили маме.

Хотя на самом деле мало кто обсуждал меня с мамой. Не потому, что она немедленно пресекала такие разговоры, а потому что просто некому было.

Жили мы вдвоем с мамой в маленькой однокомнатной квартире, отца я не помню. И первый раз задала я маме вопрос, где папа, когда пошла в детский сад. Мама долго думала, кусая губы, потом посмотрела мне в глаза и сказала твердо, что папы у меня нету. Ну так получилось.

Я потому так хорошо это помню, что меня поразило тогда мамино лицо. Оно было совсем чужое, незнакомое, я никогда раньше маму такой не видела.

Она тогда посмотрела на меня, заметила мое смятение, обняла и сказала, что этот вопрос мы закроем, нам и вдвоем хорошо.

Ну и ладно, нам и правда вдвоем было хорошо, так что про отца я больше не спрашивала. Однако со временем в голове моей стали возникать и другие вопросы.

Дело в том, что у нас с мамой не было никаких родственников. Вот просто от слова «совсем». Не было у меня бабушек-дедушек, не было тетей и дядей, соответственно, двоюродных братьев и сестер тоже не было. Троюродных тоже.

— Так не бывает, — сказала Машка Гризодубова, когда во втором классе нам велели рассказать про свою семью.

У самой Машки была куча родни, их у родителей было пятеро. Да и каждый родитель тоже был из большой семьи, поэтому родных у нее было немерено. Но... Учительница просила рассказать о семье, и Машка принялась перечислять: Оляка, Дашка, Сережка...

Минут через пять Митька Шанежкин прервал ее:

— Ты бы лучше телефонную книгу читала, там хоть фамилии есть, все-таки интереснее.

— Зачем фамилии? — удивилась Машка, она, как мы выяснили со временем, была туповата. — У нас у всех одна фамилия.

Митька поднял глаза к потолку и сказал, что его семья состоит из четырех человек: он, мама, папа и собака Менди, это сокращение от Медианы.

Щенок был породистый, и нужно было обязательно назвать его на букву «М».

— Ну и имечко! — фыркнула Машка. — Лучше, что ли, придумать не могли?

— Я хотел Машей назвать, — серьезно ответил Митька, — мама не разрешила, у нее начальница Мария Ивановна. Такая злобная, сидит в кабинете и лает, как собака из будки.

Тут, наконец, до кое-кого из детей что-то дошло, и полкласса рассмеялись. Машка ничего не поняла.

Учительница кусала губы, чтобы не расхохотаться и не уронить свой педагогический авторитет, затем посмотрела на часы и сказала, что продолжим потом. Меня про семью она больше не спрашивала, но я сама задумалась.

Почему у нас с мамой никого нету? Ну ладно, я допускаю, что у мамы тоже не было отца, но ведь мать-то у нее должна быть? Или она круглая сирота?

Что-то мне подсказало тогда, что не стоит задавать маме эти вопросы. В свое время я здорово испугалась ее чужого, помертвевшего лица.

Не было никакой соседки рядом, которая знала бы маму с детства и просветила меня. В этот дом мы переехали, когда мне было полтора года, а с соседями мама не то чтобы не дружила, но не общалась близко. То есть она всегда была с ними вежлива и меня к этому приучила, но не бегала по соседкам за солью и не звонила в дверь в праздник с пирогами. И к нам никто не звонил.

И подруг у мамы не было, то есть были знакомые, сослуживцы, но никогда не торчали у нас дома развеселые, не слишком молодые уже девицы, которые выпивали на кухне и жаловались, что их бросил очередной хахаль.

Не подумайте, что я в детстве была такая умная, это все я осознала потом, когда сидела в тоске, вспоминая нашу жизнь с мамой. То есть когда мамы уже не стало.

Я перевела дыхание, чтобы удержать спазм. Как подумаю, что мамы нет — так горло сжимает стальная рука. И дышать невозможно.

«Это спазм, — говорила доктор, — лучше бы плакала, рыдала, головой о стенку билась, тогда бы и полегчало».

Плакать не получалось. Но я научилась контролировать спазм.

Сейчас я встала и прошлась по комнате, затем осторожно приблизилась к той самой только что обнаруженной двери в стене. От движения стальная рука, сжимавшая мое горло, немного ослабела, и теперь можно сделать вдох, потом выдох, потом еще вдох...

Не думать, не думать о маме... сейчас у меня более насущные проблемы.

Я стою перед полуоткрытой дверью, за которой... за которой... за которой...

Мне очень трудно было даже мысленно произнести это ужасное слово: труп.

Но ежу понятно, что там, за этой злополучной дверью, может быть только труп.

Так, только этого мне не хватало! Вот спасибо Таньке-пьянице, устроила мне такую подлянку. За что только?

За то, тут же поняла я, что я такая невезучая. Так что Танька не виновата, это судьба у меня такая. Карма.

Первым моим побуждением было сейчас же сбежать из этой квартиры, оставив все как есть. Переночевать на вокзале, в аэропорту, да хоть в аду на раскаленной сковородке, только не оставаться здесь.

Но потом я поняла, что ни к чему хорошему это не приведет. Во-первых, ночевать на вокзале — это чревато. Опасно, в конце концов. Там такие лично-

сти ошиваются — мигом ограбят, разденут, последние вещи и деньги отберут, хорошо, если не прирежут. Впрочем, денег у меня и так нету.

Вот именно, куда я пойду, если нет у меня ничего, кроме вон того чемодана на колесиках, заполненного только носильными вещами — эта сволочь Раиса и половины не отдала.

Тогда, может быть, закрыть дверь, заклеить дыру в обоях и продолжать жить, как будто ничего не случилось?

Но тут же я отчетливо представила, как буду днем и ночью (особенно ночью) пристально смотреть на эту стену и думать о том, что за ней спрятано.

Да я глаз сомкнуть не смогу!

Что делать, что делать? Я снова отскочила от злополучной стены, пересекла комнату, споткнулась о старое кресло и нащупала на стене выключатель.

Яркий электрический свет залил комнату, вытеснив обманчивый свет луны. При этом свете все предметы вернули свое истинное обличье, и тут же я как будто протрезвела.

Ко мне пришла первая за эту ночь здравая мысль.

Почему я сразу поверила, что там, за этой дверью, действительно труп? Ведь труп не мог так хорошо сохраниться. Он должен был сгнить, разложиться, в конце концов, превратиться в скелет!

Для начала из-за двери должно было ужасно пахнуть! А оттуда пахло только застарелой пылью и обойным клеем.

Так, может быть, я зря впала в панику?

Я сосчитала до десяти, чтобы немного успокоиться, и снова подошла к скрытой под обоями двери.

Открыла ее пошире и шагнула вперед.

Я оказалась в тесной и пыльной кладовке — такие кладовки еще называли тещиной комнатой. Там был сложен какой-то хлам, но я на него не смотрела.

Прямо посреди кладовки на стуле с жесткой прямой спинкой сидела женщина в вечернем платье. Красивая, нарядная, со сверкающим ожерельем на шее... Она ничуть не была похожа на полусгнивший труп и уж тем более на скелет.

Я протерла глаза. Я потрясла головой. Я подергала себя за уши — говорят, такое помогает прийти в себя.

Конечно, это был не труп и не скелет. И уж тем более не живая женщина. Это был самый обычный манекен. Из тех, которые сидят в витринах магазинов одежды.

И платье на ней было только на первый взгляд приличное — хоть и длинное, оно было сшито на живую нитку из дешевой обивочной ткани. Только при лунном свете его можно было принять за роскошное вечернее платье.

Но на шее у манекена действительно было колье. Или ожерелье — не знаю, чем одно отличается от другого.

Ожерелье было красивое — несколько крупных голубых искрящихся камней, обрамленных в золото, и в центре — особенно красивый, овальный, очень большой...

Неужели это сапфиры?

Никогда в жизни я не видела настоящих драгоценных камней и совершенно не разбиралась в них, но эти камни были очень красивые и так сверкали...

В кладовке было полутемно, свет от лампочки в комнате почти не попадал внутрь, я нашла свой телефон, который валялся у дивана, и тщательно разглядела свою находку.

Тот, кто посадил манекен на стул, постарался придать ему свободную позу. Одна рука была откинута в сторону, как будто женщина на что-то показывала, ног под платьем не было видно.

Платье, как я уже говорила, было из дешевой обивочной материи, но не разорвалось, потому что ткань синтетическая. Цвет теперь выглядел непонятным, похоже, что серый, наверное, от грязи, от многолетней слежавшейся пыли.

Вот грязи и пыли в этой кладовке было навалом. Собственно, кроме стула и манекена, там больше не было ничего. Ну пара рулонов старых обоев, банка с засохшей краской, то, что осталось от ремонта (только похоже, что ремонт этот был лет сто назад).

С потолка свисали клочья пыли, в углу была порванная коробка с обойным клеем, и он почему-то очень противно пахнул.

На голове манекена пыль лежала тонким слоем. Я сдуру дунула и тут же расчихалась до того сильно, что с манекена свалился парик. Ну да, естественно, это был парик.

Но... волосы изначально были длинные и уложены в прическу явно непрофессионально, просто в узел, и шпильки вставлены кое-как. И... похоже, что волосы человеческие.

Парик выпал у меня из рук. С другой стороны, когда не было искусственных волос, парики делали из натуральных.

Теперь я смогла разглядеть лицо манекена, оно было раскрашено очень неумело — глаза и губы... да это же обычная помада! Только пыли налипло на нее очень много.

Я нашла тряпку и стерла пыль с лица манекена.

И при этом лицо это удивительно преобразилось.

Теперь это было точно такое же лицо, как то, что я только что видела во сне.

Зеленые кошачьи глаза, карминные губы, сложенные в странную, дразнящую и в то же время умоляющую улыбку. Улыбку, в которой было что-то от капризного и обиженного ребенка и в то же время от взрослой, умудренной женщины.

И эта женщина смотрела прямо мне в душу, как будто знала обо мне что-то важное, что-то, чего я сама о себе не знала.

Что за чертовщина? Откуда взялся тут манекен, да еще такой необычный? Просто какая-то инсталляция в кладовке!

И кто все это устроил? У Витьки не спросишь, он не появится месяца три. Да, может, он и сам не знает, сто не сто, но лет сорок эта кладовка точно была закрыта. Судя по состоянию обоев с жуткими лилиями...

И я-то что тут делаю?

Я вышла из кладовки и плотно закрыла дверь. И даже фотографию повесила на место. Кстати, на ней вовсе не было красивой женщины из моего сна, там был младенец, лысый и голопопый.

Кое-как устроившись на жестком диване, я постаралась уснуть. Но не тут-то было.

Стальная рука, сжимавшая горло, не дававшая мне дышать, убралась восвояси, но сон все равно не